

Идея книги, раскрывающей общие тенденции в развитии горнозаводского краеведения XVIII – начала XX в., вынашивалась А.М. Пашковым более 10 лет. На основании богатого архивного материала и публикаций, почти не известных широкому кругу читателей, автор подробно освещает труды и биографии наиболее видных краеведов, в большинстве своем тесно связанных с горнозаводской промышленностью и системой Олонецких заводов.

Книга состоит из 11-ти очерков (глав). В первом из них представлена деятельность одного из первых горнозаводских краеведов – «олонецкого антиквара» Т.В. Баландина (1745 – после февраля 1830). Выходец из купеческой семьи, он рано порвал с занятиями, свойственными его среде, много путешествовал по России, а в конце жизни служил в горном ведомстве. Баландин написал несколько выдающихся произведений по истории Олонецкого края (неопубликованное «Историческое краткое сведение о состоянии доселе бывшего и нынешнего положения города Олонца и о прочем» хранится в Отделе рукописей библиотеки Академии наук), Петровских и Александровских пушечных заводов. Особое внимание уделял он религиозной проблематике: содействовал публикации «Жития Лазаря Муромского» и сам составил «Житие Фаддея Блаженного». Отмечая «относительно высокий научный уровень» сочинений Баландина, широкое использование им самых разнообразных источников, знакомство с современной ему историографией, владение основными элементами археографии, Пашков называет его «видным провинциальным историком конца XVIII – первой четверти XIX в.» (с. 37) и одновременно – «северорусским посадским краеведом эпохи Просвещения», «первым в Карелии региональным историком» (с. 49–50).

Обширный очерк посвящен авторам истории Олонецких заводов – потомственному горному офицеру А.С. Ярцеву (1739–1819) и известному статисту и экономисту К.И. Арсеньеву (1789–1865), в молодости оказавшемуся в Петрозаводске в числе преподавателей и студентов, эвакуированных из Петербурга в связи с нашествием Наполеона. Предметом особого внимания Пашкова стала в их трудах оценка роли британских специалистов. Ярцев, работая над «Российской горной историей», о деятельности английских инженеров на Олонецких заводах отзывался негативно (обращал внимание на их технические просче-

ты, чрезмерную эксплуатацию мастеровых и прочее). Арсеньев же в своей горнозаводской истории, завершенной в 1819 г. и опубликованной в «Трудах Минералогического общества» в 1830 г., писал о значительных успехах заводского производства в те годы, когда им руководили К.К. Гаскойн и А.В. Армстронг. Высоко оценивая информативную значимость названных трудов, основанных на материалах заводских архивов, рассказах очевидцев и личных наблюдениях авторов, Пашков, тем не менее, приходит к выводу, что хотя Арсеньев, с его «высоким профессионализмом и либеральным мировоззрением» (с. 65) несколько идеализировал деятельность англичан, Ярцев также не сумел избежать предвзятости в своих суждениях. У Арсеньева автор находит кроме того интересную попытку определить степень эффективности государственных и частных горных предприятий и значение внедрения зарубежных технологий для развития горной промышленности.

Стремясь выявить особенности олонецкого краеведения, Пашков подробно рассматривает творчество краеведов первой четверти XIX в., П.А. Лопатинского, долгое время занимавшего должность управляющего канцелярией начальника Олонецких, Петербургского и Кронштадтского заводов, и А.А. Фуллона, с 1819 г. по 1833 г. являвшегося горным начальником Олонецких заводов. Обращаться к краеведческим исследованиям их заставляла служебная деятельность и общественные запросы. При этом, как подчеркивает автор, среда горных инженеров включала в себя высокообразованных специалистов, «способных к осмыслению и созданию трудов по богатой событиями и заслугами истории этой отрасли» (с. 123).

В отдельных очерках анализируются работы братьев К.Ф. и Н.Ф. Бутеневых, выходцев из семьи петрозаводского горного офицера. Старший из них – Н.Ф. Бутенев (1803–1870) в 1843–1858 гг. служил начальником Олонецких заводов, после чего вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта. Кроме того, он увлеченно занимался нумизматикой, собиранием «отечественных древностей», изучал русский фольклор Карелии. Как знаток Карелии и горного дела, он написал немало статей историко-краеведческого характера, до настоящего времени представляющих научный интерес, создал несколько описаний подведомственных ему заводов (Олонецкого, Александровского и их филиалов). В сочинениях Бутенева Пашков

выявил целый спектр важных свидетельств о технологических процессах в пушечном производстве, путях транспортировки заводской продукции, об организации работ, количестве горнозаводских рабочих. К.Ф. Бутенев (1805–1863) также некоторое время служил на Олонецких заводах, являлся членом Ученого комитета по горной и соляной части, редактировал «Горный журнал» [по части горного и маркшейдерского искусства] и еженедельную газету «Мануфактурные и горнозаводские известия». Свою карьеру он завершил в должности начальника Монетного двора. В 1837 г. им было совершено длительное «геогностическое путешествие» по Олонецкой и Архангельской губерниям, подробно освещенное затем в «Горном журнале». На основе изучения деятельности Бутеневых Пашков вновь подтверждает свой вывод о том, что развитие горнозаводского краеведения было «отражением интересного явления – обязательного присутствия гуманитарной составляющей в системе подготовки и практической деятельности горных офицеров» (с. 184).

Особое место среди карельских краеведов занимал И.К. Чудинов (1784–1867 или 1869), происходивший из «мастерских детей». Закончив петрозаводское народное училище, он долгие годы занимал разные должности на Александровском заводе, несколько лет работал бухгалтером и архивариусом правления Олонецких горных заводов, что, по всей вероятности, и способствовало приобщению его к краеведческой деятельности. Крупнейшей опубликованной им работой стал очерк «Олонецкие марциальные воды», в котором была представлена история изучения и использования минеральных вод в окрестностях Петрозаводска. В конце своей жизни он написал также историко-биографический очерк об известном петрозаводском купце 1-й гильдии М.П. Пименове. Однако наиболее значительный его труд – «Очерк Олонецкой губернии в историческом и статистическом отношении», включавший описание истории всех горных заводов края, так и не был опубликован (он находится в архиве Карельского национального центра РАН). В нем Чудинов, по словам Пашкова, «все явления горнозаводской истории оценивал сквозь призму архивных бухгалтерских документов» (с. 196).

Последним дореволюционным краеведом, посвятившим свою жизнь изучению истории горнозаводского дела в Олонецком крае, Пашков признает В.П. Мегорского (1871–1940), оговариваясь при этом, что было бы «правильнее его считать не краеведом, а региональным историком» (с. 285). Сын священника с. Выр-озеро Петрозаводского уезда, он закончил ис-

торико-филологический факультет Варшавского университета, а также Археологический институт в Петербурге, и уже со студенческих лет собирал материалы по истории Олонецкого края. Его яркое исследование «Осударева дорога» о походе Петра I от Белого моря до Онежского озера в августе 1702 г. было опубликовано в 1903 г. в «Военном сборнике». Впоследствии Мегорский служил в Государственном контроле, преподавал в одной из петербургских гимназий, а в советское время работал учителем в Москве, Челябинске и на ст. Сиверской под Петроградом. Следует отметить, что Пашков неоднократно подчеркивает различие между историками-профессионалами и краеведами как «по их проблематике», так и «по методике сбора и обработке сведений» (с. 67). Не оспаривая правомерности такого подхода, хотелось бы все же получить более конкретное и аргументированное объяснение различий между собственно историческими и краеведческими исследованиями, что способствовало бы более объективному осмыслению информации, извлекаемой из историко-краеведческих трудов.

Большое внимание уделено в книге краеведческим сочинениям, опубликованным в 1826–1900 гг. в «Горном журнале». Журнал был основан в 1825 г., и все его материалы предварительно рассматривались в Ученом комитете по горной и соляной части при Горном кадетском корпусе. Основная масса историко-краеведческих работ, воспринимавшихся как способ передачи опыта и знаний при подготовке горнозаводских офицеров, была напечатана в нем во второй четверти XIX в. Последующее сокращение историко-краеведческих публикаций, как считает Пашков, объяснялось специализацией геологии, горного дела, металлургии. Значительно уменьшилась и востребованность технических знаний прошедших десятилетий. Характеризуя сочинения второй половины XIX – начала XX в., Пашков попытался выявить воздействие на развитие горнозаводского краеведения общего спада в горнодобывающей и металлургической промышленности, сказавшегося и на работе Олонецких заводов (истощение железных руд, устаревшие методы плавки, необходимость замены медных и чугунных орудий пушками из литой стали и т.д.). Среди публикаций этого времени автор особо выделил работы К.И. Швабе «Описание Александровского пушечно-литейного завода в Петрозаводске» (1855 г.) и В.Ф. Полякова «Очерк Олонецких заводов в историческом, геогностическом и статистическом отношении» (1860 г.). В последующие 40 лет не появлялось уже никаких новых краеведческих работ, за исключением компилятивной брошюры горного инженера П.Е. Холостова, посвящен-

ной 100-летию основания Александровского завода и его филиалов (1774–1874).

В начале XX в. вместе с подъемом, наметившимся в горнозаводской промышленности, и активизацией общественной жизни после революции 1905–1907 гг., положение в краеведении стало меняться. Пашков подробно раскрывает значение работ таких авторов, как Б.Н. Михайлов, П.А. Борисов и Л.А. Мошанский, способствовавших распространению знаний о металлургической отрасли, технологических новшествах, организации производства. Историко-краеведческий опыт представлял интерес и для горного ведомства, в частности, «для укрепления позиций корпорации горных офицеров, расширения их численности, увеличения ассигнаций и т.д.» (с. 184). В первые

десятилетия XX в. исследования краеведов в значительной мере были направлены на решение прикладных задач: выявление и обнародование материалов, связанных с обоснованием проектов по постройке новых и возрождению старых горнозаводских предприятий и т.п.

В «Заключении» своей книги А.М. Пашков не только подводит итоги трудов дореволюционных краеведов Олонецкой губ., но и освещает влияние их богатого наследия на исторические исследования, публицистику и художественную литературу (например, повесть К.Г. Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля»).

**Э.Г. Истомина, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

А.Л. Беглов. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. 352 с.

История Церкви в 1920–1940-е гг. пока еще недостаточно изучена, хотя за последние 15 лет появился целый ряд ценных исследований, освещающих преимущественно различные аспекты церковно-государственных отношений этого времени¹. К их числу относится и вышедшая недавно монография научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А.Л. Беглова, обстоятельно рассмотревшего жизнь церковного подполья 1920–1940-х гг. Она написана на основе кандидатской диссертации, защищенной им в Институте российской истории РАН, и издана значительным по современным меркам тиражом (5 тыс. экз.).

Обыгрывая в названии созданный А.И. Солженицыным образ «сколь безгрешной, столь и бестелесной катакомбы», Беглов в то же время четко очерчивает используемые им в работе понятия и определения (терминологии он посвятил особый раздел). Как указывает автор, «самое раннее документированное употребление слова “катакомбы” для описания реалий XX столетия мы встречаем в письмах игуменни Афанасии (Громеко) к митрополиту Евлогию (Георгиевскому), написанных в 1923 г. из Петрограда» (с. 8). В связи с этим Беглов даже высказывает предположение, что изначально «слово “катакомбы” и его производные были локальным петроградским (ленинградским) неологизмом» и лишь в эмиграции приобрели широкое распространение. Впрочем, необходимо учесть, что обращение к жизни древней Церкви было для проповедников начала XX в. самым обычным делом и нельзя исключить употребление понятия «ка-

такомбы» еще дореволюционными церковными публицистами, размышлявшими о том, что могло ожидать Церковь. Но поскольку в этом выражении часто смешивались представления о собственно нелегальной деятельности и церковной оппозиции, Беглов очень редко использует его в тексте книги, предпочитая говорить о «подполье» и «нелегальной церковной жизни». При этом он, соглашаясь с Д.В. Поспеловским, отмечает, что к началу 1930-х гг. «на нелегальное положение перешли не только те, кто *ушел* (курсив А.Л. Беглова. – *А.М.*) в подполье, противопоставив себя государству, легальной Церкви и т.д., но и те, кто “оказался” в нем, будучи вытеснен[н]ым из легальной жизни в силу особенностей советской юридической системы» (с. 23).

Основу книги составляют две части: первая посвящена довоенному периоду, вторая – 1943–1953 гг. Внутренняя структура их почти одинакова: в первом параграфе разбирается государственная политика, определявшая «границы легальности» церковной деятельности, во втором – различные аспекты «нелегальной жизни Церкви» (подпольные монастыри и приходы, религиозное образование после закрытия духовных академий и семинарий) и процессы, происходившие в церковном подполье, в третьем – отношение к нелегалам «легального епископата», в четвертом – «стратегии выживания в церковном подполье» и «эволюция церковной жизни в условиях подполья».

В основе исследования лежат документы из восьми фондов РГАСПИ и ГА РФ (в том числе материалы Комиссии по делам куль-